

БУДУЩЕЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ – ОПОРА НА ПРОШЛОЕ:
ВЗГЛЯД ИЗ ВЛАДИВОСТОКА

© 2015

А. А. ХИСАМУТДИНОВ

Статья посвящена современным проблемам отечественного востоковедения и продолжает обсуждение, начатое в первом номере журнала “Восток” (2015). Отталкиваясь от прошлого, автор анализирует вопросы, связанные с университетским образованием во Владивостоке, и предлагает пути развития востоковедения.

Ключевые слова: востоковедение во Владивостоке, востоковедческое образование, востоковедение в Харбине, российская востоковедческая школа.

Образное выражение “Восток – дело тонкое” можно дополнить и такими словами: “Где тонко – там и рвется!”. В первом номере журнала “Восток” опубликована статья доктора исторических наук А.О. Захарова “К 60-летию журнала: будущее востоковедения”, в которой поднимаются весьма важные для востоковедческой науки вопросы [Захаров, 2015, с. 5–8]. Автор опирается в основном на примеры, с которыми сталкиваются столичные исследователи, но описанные проблемы, увы, являются общими для всего отечественного востоковедения.

“Родственников и соседей не выбирают”, “Со своим уставом не лезь в чужой монастырь” – эти поговорки хорошо знают востоковеды, потому что их аналоги можно найти и в других языках. Пройдя от Урала до берегов Тихого океана в течение одного поколения, Россия вошла, по меткому выражению В.К. Арсеньева, “клином в желтые страны” [ГАХК, ф. 2, оп. 1, д. 460, л. 69], став таким образом не только ближайшим соседом Китая, Кореи и Японии, но и мостом между европейской цивилизацией и дальневосточными странами.

А.О. Захаров вполне справедливо ставит вопросы по поводу недостаточного финансирования востоковедческой науки. Но только ли дело в нем? Хотел бы высказать субъективный взгляд на современное состояние дальневосточного востоковедения, отталкиваясь от проблем востоковедческого образования.

Создание во Владивостоке в 1899 г. Восточного института, ставшего первым вузом огромного региона, было обусловлено экономико-стратегическим обстоятельством – строительством Китайско-восточной железной дороги (КВЖД). Инициаторы открытия института хорошо понимали цели и задачи высшего образования на Дальнем Востоке и делали все для того, чтобы из стен института выходили квалифицированные специалисты-практики с глубоким знанием восточных языков и восточной специфики. Тогдашний уровень востоковедческого образования соответствовал современному бакалавриату, но даже поверхностный анализ показывает, что многие из первых выпускников Восточного института стали выдающимися знатоками Китая, Японии и Кореи. Этому способствовала вся система образования. Многочисленные именные стипендии позволяли студентам учиться, не думая о заработке. И преподаватели, и студенты могли ежегодно ездить в страны изучаемого языка, где не только практиковались в языке, но и приобщались к исследовательской работе. Наглядные примеры тому – отчеты, составляемые студентами по результатам этих поездок и опубликованные в “Известиях Восточного института”.

Сейчас на Дальнем Востоке осуществляется серия масштабных проектов, связанных с Китаем, но что-то не видно, как крупные компании вкладывают деньги в изучение будущих партнеров или спешат на помощь вузам в подготовке специалистов со знанием китайской, корейской или японской специфики. Студент же вынужден получать сведения из Интернета: мало у кого имеются средства на продолжительную поездку в Китай или Японию.

Несмотря на трагические события 1917–1922 гг., дальневосточное востоковедение смогло удержать свои позиции в изучении соседних стран. После создания в 1920 г. Государственного Дальневосточного университета (ГДУ), в который вошел и Восточный институт, исследования его профессоров и учебные программы продолжили направления, связанные со спецификой Азиатско-Тихоокеанского региона. Первым ректором ГДУ избрали корееведа Г.В. Подставина, профессора Восточного института, бывшего одно время его директором. Предполагалось, что принципы работы Восточного факультета ГДУ будут соответствовать «а) строго научным требованиям теоретического изучения языков и стран Восточной Азии; б) обслуживать широкие задачи практического востоковедения.... Факультет будет давать исчерпывающий материал для подготовки ориенталистов с юридической и экономической подготовкой и ориенталистов с историко-филологической подготовкой» [Ермакова, 1999, с. 53]. На Восточном факультете существовало два раздела: китайский (с монголо-бурятским и маньчжуро-тунгусским языками) и японский, были организованы кабинеты китаеведения, японоведения, английского языка и англо-американской литературы, истории культур, маньчжуроведения с монгольским подотделом и лабораторией товароведения. Правда, за неимением специалистов (Подставин в конце 1922 г. уехал в Корею) не преподавался корейский язык и не велись корееведческие исследования.

Преподаватели Восточного факультета (А.В. Гребенщиков, А.В. Рудаков, Н.В. Кюнер и др.) в этот период начали целый ряд интересных разработок: составлялись алфавиты для коренных народностей Приморья и Приамурья, проводились антропологические исследования народов Дальнего Востока. Научная работа востоковедов велась в рамках Краеведческого научно-исследовательского института, открытого при ГДУ в 1924 г. для изучения Дальнего Востока – как русского, так и зарубежного. В 1927 г. состоялись научные командировки: П.С. Ануфриева в Японию и А.В. Гребенщикова в Маньчжурию. В «Трудах ГДУ» появилась новая серия, «Востоковедение», в которой публиковались результаты исследований. В 1929 г. на Восточном факультете ГДУ было открыто Общество востоковедения с общественно-политической и лингвистической секциями. Его члены организовали бюро переводов, начали обследования среди китайского населения Владивостока. Через свое издание, «Бюллетень Общества востоковедения», они поднимали злободневные для того времени вопросы, в основном общественно-политические.

Российское востоковедение успешно развивалось и в изгнании. Востоковеды-эмигранты создали в Харбине сеть русских учебных заведений, включая вузы с востоковедческим уклоном. Известным высшим востоковедческим учебным заведением был Институт Ориентальных и Коммерческих наук в Харбине (1925–1934), основанный выпускниками Восточного института. На двух факультетах, ориентальном (восточно-экономическом) и коммерческом, обучение велось по программе и учебникам Восточного института во Владивостоке. Общим для факультетов было изучение таких дисциплин, как география и история Китая, Японии, Кореи, Монголии и Тибета, коммерческо-экономическая география стран Дальнего Востока, экономика Маньчжурии, проблемы Тихого океана, государственное устройство Дальнего Востока, история торговли, основные положения китайского гражданского права и др.

Для привлечения студентов к исследовательской работе в октябре 1928 г. в институте был создан кружок востоковедения – прообраз научного студенческого общества. Многие работы членов кружка увидели свет на страницах журнала «Восточник»,

издававшегося в институте, а также двух сборников “Дальний Восток”, выпущенных кружковцами. Результаты работы краеведческой секции кружка, занимавшейся обследованием районов Китая по отраслям промышленности, позволили создать в институте Музей торговых образцов.

Востоковедческие направления подготовки специалистов были открыты и на Юридическом факультете (Харбин), имевшем в 1920–1924 гг. аккредитацию ГДУ во Владивостоке. В числе преподавателей и выпускников этого факультета были и практикующие адвокаты в Китае, и советники государственных органов в этой стране. В учебную программу Юридического факультета включалось изучение Востока и восточных языков. Осенью 1926 г. декан Валентин Александрович Рязановский (1884–1968, Окленд, Калифорния, США) открыл на экономическом отделении восточно-экономический подотдел, объясняя его необходимость тем, что в Маньчжурии сталкивались экономические интересы Китая, России и Японии. Он сообщал:

“Здесь, кроме основных экономических и юридических дисциплин, преподаются: география Восточной Азии (главным образом Китая и Ниппон), история Восточной Азии, этнография Восточной Азии, экономическая география Восточной Азии, история культуры Китая, государственное право Китая и Ниппон, гражданское право Китая и Ниппон, международные отношения в Восточной Азии, пути сообщения Восточной Азии, банковская и денежная система Китая, экономика хозяйства, торговли и промышленности Маньчжурии, английский язык, ниппонский язык и др. Для экономиста, желающего работать на Дальнем Востоке, мы даем сведения по географии, истории, этнографии, праву, экономике стран Дальнего Востока (главным образом Китая и Ниппон) и мы будем учить его, главным образом, разговорному языку и затем уже современному литературному китайскому или ниппонскому языку. Наша цель практическая: дать возможность таким лицам работать в крае и в пределах этого” [ЛХХ, ф. 830, оп. 3, д. 2014, л. 5].

Уже тогда российские востоковеды-эмигранты успешно использовали на практике систему, когда студенты могли сами формировать свою будущую специальность, выбирая для изучения соответствующие курсы. Сегодня будущие востоковеды могут об этом только мечтать.

Изучение страны пребывания было характерно и для русских школ в эмиграции. Стремясь к пропаганде востоковедения как одного из принципов организации русского образования в Китае, российские востоковеды издавали соответствующие учебники, которые пользовались успехом, несмотря на их некоторые недостатки [Шкуркин, 1929, 170 с.]. Увы, до сих пор таких учебников почти нет на российском Дальнем Востоке. Овладение языком можно сравнить с процессом еды: умения пользоваться столовыми инструментами (палочками) недостаточно для распознавания вкуса блюда, оно приходит с пониманием мельчайших нюансов восточной культуры, когда можно распознать все ингредиенты.

Несмотря на трудности, востоковеды-эмигранты стремились к получению ученых степеней. В 1925 г. в Париже защитил диссертацию “Очерки государственного права Китая” заведующий кафедрой административного права Юридического факультета Владимир Владимирович Энгельфельд (1891–1937, Харбин). Через четыре года там же прошла успешная защита диссертации “Водное право в Китае” Георгия Константиновича Гинса (1887–1971, Беркли, США). Бывший преподаватель ГДУ Иван Алексеевич Лопатин (1888–1970, Лос-Анджелес), известный своими трудами по этнографии и востоковедению, покинув родину в 1924 г., защитил докторскую диссертацию в США и стал профессором Калифорнийского университета. Увы, нынче немногие дальневосточные востоковеды могут похвастаться наличием докторских степеней по востоковедческим направлениям, хотя возможностей для этого у них больше, чем у коллег-эмигрантов.

Востоковедение, как любая наука, существует за счет отдельных ярких личностей. Почетным членом Royal Asiatic Society и других научных обществ был юрист-востоковед Валентин Александрович Рязановский. Всемирную известность получили тру-

ды выдающегося лингвиста Сергея Михайловича Широкогогорова (1887–1939, Пекин), одного из основателей ГДУ. Успешно создавал американскую школу востоковедения Петр Алексеевич Будберг (1903–1972, Аламеда, Калифорния), студент восточного факультета ГДУ в 1920–1922 гг. А.П. Хионин, воспитав немало востоковедов в Китае, продолжил научную работу в Австралии, где подготовил к печати “Новейший китайско-английский словарь”, насчитывающий 9060 иероглифов и более ста тысяч выражений. С большим уважением относятся за рубежом и к заслугам владивостокской школы востоковедения. Берлинский востоковед Хартмут Валравенс (Hartmut Walravens), в частности, выпустил серию книг, посвященных Китаю А.В. Рудакову и А.В. Гребенникову, выдающемуся лингвисту П.П. Шмидту и этнографу И.А. Лопатину.

В течение всех лет работы Дальневосточного университета до его закрытия в 1939 г. профессорско-преподавательский состав восточного факультета был гордостью вуза, а по масштабам научных исследований, изданию востоковедческих трудов, подготовке специалистов-востоковедов ГДУ соперничал с Ленинградским университетом. Несмотря на разгром владивостокской школы востоковедения в конце 1930-х гг. (от репрессий больше всего пострадал Восточный факультет), к 1970-м гг. оно стало постепенно возвращать утерянное положение. Восточному отделению, открытому на филологическом факультете Дальневосточного государственного университета (ДВГУ) в 1962 г., пришлось начинать с нуля: формировать профессорско-преподавательский состав, создавать учебники, разрабатывать методики. Из 18 первых выпускников отделения семеро были оставлены для преподавательской работы, что позволило открыть новые кафедры и отчасти восстановить старые позиции. Профессорско-преподавательский состав, продолжая изучение стран Азиатско-Тихоокеанского региона, воспитывал новых востоковедов в лучших традициях первого дальневосточного вуза.

Особая тема – общественное востоковедение. Вскоре после приезда русских в Маньчжурию для строительства КВЖД в Харбине возникло Общество русских ориенталистов (ОРО), учрежденное в 1908 г. Его основателями стали выпускники Восточного института: коммерческий агент КВЖД в Цицикаре А.П. Болобан, редактор газеты “Юань-дун-бао” А.В. Спицын, его помощник И.А. Добролюбовский, чиновник Министерства торговли и промышленности А.Н. Петров и городской голова Харбина П.С. Тищенко. Наряду с крупными городами Китая, в которых существовали русские общины, отделения Общества были открыты во Владивостоке и Санкт-Петербурге, его членами стали переводчики, дипломаты, коммерсанты, профессора Восточного института и Санкт-Петербургского университета. Хотя Общество не могло похвастать большим вниманием к своей деятельности со стороны широких слоев русского населения “в силу отрицания востоковедения как цикла специальных знаний о Востоке, имеющих право на самостоятельное существование и развитие” [От редакции, 1909, с. I–II], оно успешно выполняло свою основную задачу – популяризацию знаний о Востоке среди населения. Не имея никакой государственной поддержки, востоковеды-любители наряду с профессионалами проводили исследования в Маньчжурии, сообщали о них на заседаниях Общества, издавали свой журнал “Вестник Азии”, на страницах которого печатали все доклады.

Русские востоковеды в Китае не замыкались в своих исследованиях. Они не теряли связей ни с коллегами из других стран, ни с советскими учеными. Это хорошо видно из переписки академика В.М. Алексеева, который писал В.А. Рязановскому, что смотрит на профессоров Юридического факультета как на форпост русской науки и культуры. Тогда на практике успешно претворялась идея международной кооперации в науке. Предполагаю, что сегодня трудно найти такой тип востоковеда-общественника, какой существовал в прошлом. Непросто, к сожалению, и создать общественный институт, подобный ОРО, хотя идея, осуществленная русскими эмигрантами в Китае для объединения всех любителей Востока, стоит того, чтобы к ней вернуться и задуматься о воссоздании Общества русских ориенталистов на Дальнем Востоке с собственным

электронным сайтом. Пока же вопрос о какой-либо координации усилий по востоковедению вообще не стоит – каждый работает в соответствии с собственными планами и задачами. Прав А.О. Захаров, сетуя на отсутствие прочных связей с востоковедами Европы и США и продвигая в качестве одной из идей сотрудничество зарубежных авторов с журналом “Восток”.

Большой проблемой являются и совместные действия по получению грантов. Можно только приветствовать организацию Российским гуманитарным научным фондом международных конкурсов, в частности с Китайской академией общественных наук. Увы, попытка владивостокских и китайских исследователей, имевших давние контакты друг с другом и готовых к совместной работе, подать документы на конкурс окончилась неудачей: китайские коллеги просто не нашли технических возможностей для этого. Видимо, механизм взаимодействия самого Фонда с зарубежной организацией до конца не отлажен.

Современные зарубежные исследователи давно пришли к выводу, что весьма трудно открыть что-то новое, работая в классических направлениях. Гораздо больше интересных результатов можно получить, выполняя междисциплинарные исследования. Русские эмигранты, например, успешно изучали различные аспекты Китая, обращая внимание на евразийские идеи. Особенно интересными являются публикации по политическому или литературному евразийству. Свидетельство тому – библиография известного канадского профессора Ольги Михайловны Бакич, уроженки Харбина [Bakich, 2002]. Успешно продвигали свои идеи по регионализму сибиряки-областники. Достаточно вспомнить работы Ивана Иннокентьевича Серебренникова (1882–1953, Тяньцзинь). В отечественном востоковедении пока еще этот аспект не осознан в должной мере.

К сожалению, труды большинства востоковедов-эмигрантов до сих пор неизвестны на родине. Не только во Владивостоке, но и в целом в России мало беспокоятся о сборе материалов по востоковедению. В США на первый взгляд ситуация лучше, там находится 40–45% востоковедческой литературы на русском языке, но эти издания не используются в полной мере. В Китае почти все библиотеки и архивы, где имеются русские документы или издания, остаются закрытыми. Много лет комплексным сбором литературы об Азиатско-Тихоокеанском регионе и связях с Россией занимается Гавайский университет в Гонолулу. В Москве обратили на это внимание и напечатали каталог этой уникальной коллекции [Полански, 2002, 204 с.]. В настоящее время издательство “Пашков дом” готовит этот справочник к переизданию. Остается надеяться, что дальневосточные востоковеды смогут поработать с этими материалами, но многим ли это удастся?

Автору этих строк посчастливилось обнаружить в США архив китаиста Сергея Александровича Полевого (1886–1971, США), выпускника Восточного института (1913), и привезти его во Владивосток. Сейчас он находится в Дальневосточном федеральном университете (ДВФУ), но не слышно о попытках использовать эти бесценные материалы в научных целях. Несмотря на неоднократные попытки, до сих пор не удается издать воспоминания другого выпускника Восточного института – Ипполита Гавриловича Баранова (1886–1972, Алма-Ата), обнаруженные в рукописи в одном из российских архивов. Показателем отсутствия интереса к востоковедческой литературе является и тот факт, что Приморская краевая публичная библиотека им. А.М. Горького отказалась печатать уже подготовленный указатель литературы о Японии, хранящейся в ее фондах. Тем не менее нужно всячески поощрять инициативы по возвращению утерянной памяти, которая важна для современных студентов. Хотелось бы также, чтобы имена известных владивостокских востоковедов были увековечены в названиях улиц или на памятных досках на зданиях, где они жили, а также в создании научных биографий, которые помогли бы новому поколению исследователей Дальнего Востока осознать себя продолжателями российской школы востоковедения.

Противоречивой оказалась ситуация с востоковедческим образованием в годы перестройки. С одной стороны, у выпускников и преподавателей восточного факультета

появилась возможность уехать в Китай или Японию, что ослабило кадровый потенциал. С другой стороны, благодаря возросшему интересу к восточным соседям и иностранным языкам востоковедческие кафедры появились во множестве учебных заведений Владивостока. Активизировалась и научная работа по востоковедению, защищаются диссертации... Но все это находится несколько в стороне от мирового востоковедения, о чем говорит слабое участие владивостокских востоковедов в международных симпозиумах. Автор попытался привлечь коллег к участию во Всемирном конгрессе славистов в Токио, который пройдет летом этого года, но так и не смог найти желающих.

Недавнее слияние вузов в Дальневосточный федеральный университет и потеря исторического названия, на мой взгляд, отбросило востоковедение на много лет назад. Моряки часто говорят: “Как назовешь пароход, так он и поплывет”. Видно, что современные руководители университета обращают большее внимание на развитие политологической школы, чем востоковедческой. Многие российские востоковеды и их иностранные коллеги до сих пор задают вопрос: стоило ли реорганизовать Восточный институт, вливая его в Школу региональных и международных исследований (ШРМИ) [Директор..., 2013]. Не так давно, правда, название школы дополнили словами “Восточный институт”, но суть от этого не изменилась и вопросов об отношении администрации университета к востоковедению по-прежнему много. Преподаватели-востоковеды получают весьма низкую заработную плату, а учебная нагрузка совершенно не дает возможности заниматься научной работой. Не вызывает возражения поощрение преподавателей, печатающих книги или статьи на английском языке, но для публикаций на китайском, японском или корейском языках такое поощрение почему-то отсутствует.

Отдельного разговора заслуживают современные научные периодические издания. Справедливое требование иметь перед защитой диссертации определенное количество научных публикаций порой превращается в фарс. Претендентам на ученую степень достаточно иметь деньги, чтобы обеспечить публикацию своих статей. Вчитавшись в условия приема статей к публикации многих журналов, даже входящих в перечень ВАК, можно сделать однозначный вывод о превращении некоторых, в основном недавно открытых, изданий в коммерческие проекты. Повальное увлечение руководителей учебных заведений публикациями в журналах базы Scopus также не выглядит обоснованным: в гонке за рейтингом теряется суть настоящего вклада в науку.

По инициативе выпускника восточного факультета ДВГУ А.С. Дыбовского, ныне профессора Университета Осака, 25 сентября 2014 г. в Дальневосточном федеральном университете состоялась Международная конференция, на которой востоковеды обсудили современные проблемы востоковедения. В итоговом документе отмечалось:

«Мы надеемся, что “Востоковедение” никогда не выпадет из перечня учебных программ ДВФУ, так как оно необходимо для успешного взаимодействия России с азиатскими странами. Однако востоковедению необходимо своевременно отвести должное место в приоритетах развития ДВФУ. Сохранение современного положения востоковедения в ДВФУ есть медленное его удушение, сопряженное с огромными экономическими и политическими потерями для нашей страны в будущем. Сейчас квалифицированные кадры теряются в связи с переездом университета в отдаленный от города новый кампус, экстремально высокой нагрузкой и низкой зарплатой преподавателей. Если мы не примем срочные меры, будет пройдена точка невозврата, и для формирования нового контингента востоковедов, а также востоковедческой научной среды потребуются десятилетия, как это было после сталинского террора 1930-х гг.» [Итоговый..., 2015, с. 5].

Участники предложили вернуть восточному факультету полный статус, сделав его отдельной школой.

В начале XX в. некоторые аналитики подчеркивали, что поражение России в Русско-японской войне было вызвано отсутствием специалистов по Японии и Китаю. Увы, и сегодня можно по пальцам пересчитать настоящих знатоков Дальнего Востока. Современные проблемы в востоковедении нужно трактовать шире: а насколько хорошо мы знаем наших восточных соседей?..

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

ГАХК – Государственный архив Хабаровского края.

Директор Института Дальнего Востока РАН академик Михаил Титаренко выразил обеспокоенность упразднением Восточного института в связи с созданием ДВФУ // *Новая газета во Владивостоке*. 2013. 8 авг. (№ 199).

Захаров А.О. К 60-летию журнала: будущее востоковедения // *Восток (Oriens)*. 2015. № 1.

Ермакова Э.В. Куцый Г.С., Володарская Е.П., Георгиевская Е.А., Глущенко И.И., Евтушевский А.Г., Каневская Г.И. и др. *Дальневосточный государственный университет: история и современность. 1899–1999* / Отв. ред. В.И. Курилов. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999.

Итоговый документ Конференции // *Востоковедение на Дальнем Востоке: история, современность и будущее* / Под ред. А.С. Дыбовского. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2015.

От редакции // *Вестник Азии*. Харбин, 1909. № 1 (Июль).

Полански П. *Русская печать в Китае, Японии и Корее: Каталог собр. Библиотеки им. Гамильтона Гавайского университета*. М.: Пашков дом (Российская государственная библиотека), 2002.

Шкуркин П.В. *Учебник востоковедения для средних учебных заведений (III-й ступени)*. Харбин: Изд. ОИМК, тип. “Заря”, 1925.

Bakich O. *Harbin Russian Imprints: Bibliography as History, 1898–1961: Materials for a Definitive Bibliography*. N.Y.–P.: Norman Ross Publishing Inc., 2002.